

Научная статья

УДК 821.161.1+811.124

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5421

Латинский язык Достоевского

А. А. Скоропадская

*Петрозаводский государственный университет,
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: san19770@mail.ru

Аннотация. В статье опровергается встречающееся в некоторых биографических исследованиях мнение, что Достоевский не любил латинский язык и не проявлял к нему интереса. Обращение к письмам писателя, его публицистическим и художественным произведениям, сохранившимся рабочим записям указывает на обратное: Достоевский не только положительно отзывался о латинском языке, но и использовал его в процессе создания своих произведений. Проведенный анализ опубликованных текстов писателя и сохранившихся рабочих записей выявил 67 латинских слов и выражений. Многие из латинских вставок встречаются не единожды, некоторые имеют ярко выраженный практический характер (например, анаграмма NB и ее разновидности). Относительно сферы употребления используемые Достоевским латинские выражения принадлежат медицине, юриспруденции, церковной риторике, однако в основной своей массе они являются распространенными афоризмами и речевыми штампами. В статье рассмотрен факт работы писателя с латинским текстом в качестве комментатора-переводчика и приведены аргументы, что опубликованный в «Дневнике Писателя» за 1877 г. отрывок пророчества из книги Иоганна Лихтенбергера переведен Достоевским. Вольность (изменение композиции, вставка дополнительных слов) и относительная грамматическая правильность (обнаружены всего 2 грамматические неточности в переводе) свидетельствуют о достаточно свободном владении латынью, которое позволило Достоевскому не только перевести средневековый религиозный текст, но и интерпретировать его для иллюстрации своих общественно-политических взглядов.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, латинский язык, античная традиция, «Дневник Писателя», Иоганн Лихтенбергер

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90037 «Достоевский и античность».

Для цитирования: Скоропадская А. А. Латинский язык Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 2. С. 34–47. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5421

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5421

Dostoevsky's Latin language

Anna A. Skoropadskaya

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: san19770@mail.ru

Abstract. The article refutes the opinion found in some biographical studies, which states that Dostoevsky disliked the Latin language and showed no interest in it. An appeal to the writer's letters, his journalistic and artistic works, surviving working notes suggests the opposite: Dostoevsky not only speaks positively of the Latin language, but also uses it in the process of creating his texts. An analysis of published works and surviving work notes revealed 67 Latin words and expressions. Many of the Latin insertions are encountered more than once, some have a distinct practical nature (for example, the NB anagram and its varieties). In terms of use, the Latin expressions used by Dostoevsky are from medicine, jurisprudence, and Catholic church rhetoric, but for the most part they are common aphorisms and speech clichés. The article draws attention to the fact of Dostoevsky's work with Latin text as a commentator and translator and proves that the fragment of the prophecy from the book of Johann Lichtenberger cited in the 1877 *A Writer's Diary* was translated by Dostoevsky. Liberty (modified composition, insertion of additional words) and relative grammatical correctness (only two grammatical inaccuracies were found in the translation) testify to a fairly fluent command of Latin, which allowed Dostoevsky not only to translate the medieval religious text, but also to interpret it to illustrate his socio-political views.

Keywords: F. Dostoevsky, Latin, ancient tradition, "A Writer's Diary", Johann Lichtenberger

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90037.

For citation: Skoropadskaya A. A. Dostoevsky's Latin language. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 2, pp. 34–47. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5421 (In Russ.)

Знание Достоевским латыни не оспаривается исследователями, несмотря на то что все еще не прояснены многие детали обучения в пансионе Чермака, где будущий писатель получил базовые знания¹ классических языков². Ссылаясь на воспоминания младшего брата Достоевского — Андрея, который описал строгость, с которой отец преподавал старшим сыновьям, Михаилу и Федору, латынь³, многие биографы делают вывод о том, что этот неприятный ученический опыт сформировал негативное отношение будущего писателя к данному языку. Так, Л. Гроссман утверждает: «Не удивительно, что никакого интереса к латинскому языку и римской литературе великий писатель никогда не проявлял и что из всех классических поэтов Рима он назвал только однажды Ювенала и то в чужой цитате⁴!» [Гроссман]. Свое мнение исследователь обосновывает отсутствием у Достоевского упоминаний классических римских поэтов. Такой аргумент трудно назвать весомым, тем более что в литературном наследии Достоевского можно

встретить имена многих представителей римской античности, среди которых государственные и политические деятели (братья Гракхи, Цезарь, все римские императоры⁵, Помпей, Кассий, Лукулл, Марий), историки (Тит Ливий, Тацит, Светоний, Плиний Старший), ораторы (Цицерон), поэты (Вергилий, Гораций). К римскому поэтическому наследию Достоевский обращается, например, в рассказе «Бобок», устами героя полемически обыгрывая реминисценцию из Горация⁶: «Всему удивляться, конечно, глупо, а ничему не удивляться гораздо красивее и почему-то признано за хороший тон. Но вряд ли так в сущности. По-моему, ничему не удивляться гораздо глупее, чем всему удивляться. Да и кроме того: ничему не удивляться почти то же, что ничего и не уважать. Да глупый человек и не может уважать»⁷ (ДЗ0; 21: 44). В письме брату Михаилу из Семипалатинска (июнь 1859 г.), предвкушая их скорую встречу, Достоевский пишет: «Italia<m>! Italia<m>! Обнимаю тебя крепко, крепко!» (ДЗ0; 28₁: 328). Слова из «Энеиды» Вергилия⁸ становятся лучшей иллюстрацией душевного состояния: длительная разлука с родным человеком ассоциативно приравнивается к мотиву окончания длительного плавания.

Увлеченность юного Достоевского античной литературой — общеизвестный биографический факт, подтвержденный, например, письмами, в которых будущий писатель с восторгом отзывался о Гомере⁹. Эпистолярное наследие сохранило и оценку, данную Достоевским латыни. В одном из писем отцу в период своей учебы в Инженерном училище (1839 г.), обучение в котором не предполагало изучения древних языков¹⁰, он пишет следующее: «Скажу Вам еще, что мне жаль бросить латинского языка. Что за прелестный язык. Я теперь читаю Юлия Цезаря и после 2-х годичной разлуки с латинским языком понимаю решительно все» (ДЗ0; 28₁: 60). Можно заподозрить молодого Достоевского в лукавстве: делясь своим восторгом от латинского языка, он хочет порадовать отца — своего первого учителя латыни. Однако стиль общения строгого родителя с детьми предполагал душевную искренность.

Вместе с тем тема неприятия Достоевским латыни по-прежнему встречается в исследованиях. Так, Ю. Селезнев, апеллируя к опыту изучения латинского языка с отцом, считает, что «латынь Достоевский невзлюбил на всю жизнь» [Селезнев]. Голословно и безапелляционно мнение Д. И. Ермакова, утверждающего, что именно от родительского подхода к преподаванию «проистекает тот аффективный тон, с которым Достоевский выступает против латыни как против тупого способа подчинить и убить инициативу в ребенке (за этим выпадом скрывается протест против отца-учителя, его тупого и оупляющего метода)» [Ермаков: 369]. Говоря об аффективном тоне и во многом этому тону подражая, Д. И. Ермаков переинтерпретирует факты, подменяя мнение Достоевского мнением его персонажей. Возможно, причиной этой подмены является полифонизм поэтики Достоевского, предполагающий полноту воссоздания мировоззрения героев — носителей индивидуального сознания. В произведениях Достоевского

встречаются негативные высказывания о латинском языке. Так, в первоначальных планах романа «Подросток» главный герой — недоучившийся гимназист, которому не дали классические языки: «Мальчик не выдержал экзамена из классическ<еских> языков. Его и выписали в Петербург *на место*, как бы для замены старшего брата, женившегося и тем утраченного для семьи» (Д30; 16: 24). И еще: «Встреча отца с приехавшим к нему из Москвы сыном, не выдержавшим классического экзамена. Отец хохочет, зовет сына чушкой, смеется над классицизмом, учит его бесчинствовать и проч. Сын презирает отца» (Д30; 16: 35). Однако в дальнейшем Достоевский от этой детали в характеристике Аркадия Долгорукого отказался.

Открытое неприятие классических языков он вложил в уста Коли Красоткина в «Братьях Карамазовых»: «Классические языки, если хотите все мое о них мнение, — это полицейская мера, вот для чего единственно они заведены, — мало-помалу начал вдруг опять задыхаться Коля, — они заведены потому, что скучны, и потому, что отупляют способности. Было скучно, так вот как сделать, чтоб еще больше было скуки? Было bestолково, так как сделать, чтобы стало еще bestолковее? Вот и выдумали классические языки. <...> ...ведь классики все переведены на все языки, стало быть, вовсе не для изучения классиков понадобилась им латынь, а единственно для полицейских мер и для отупления способностей» (Д30; 14: 498). Но нельзя слова героя произведения приравнять к словам автора. В публицистических текстах, предполагающих выражение именно авторской позиции, можно найти неоднократные положительные оценки классическим языкам и классическому образованию¹¹. Так, в «Дневнике Писателя» за 1876 г. Достоевский пишет: «Математика и два древние языка, латинский и греческий, признаны наиболее развивающим средством, умственным и даже духовным. Не мы признали это и не мы это выдумали: это факт и факт бесспорный, выжитый на опыте всею Европою в продолжение веков, а нами только перенятый» (Д30; 23: 82). Недаром в период работы над «Подростком» Достоевский обращался к воспоминаниям о пансионе Чермака: «У Чермака. Развитие, Чтение, Экзамены. <...> О Классическомъ образовании у Чермака» (Записная тетрадь 1869–1870 гг. (ОР РГБ. Ф. 93.1.1.4. С. 13)).

Встречающиеся в текстах Достоевского латинские вставки также, на наш взгляд, свидетельствуют скорее о наличии у русского писателя интереса к латинскому языку, чем о его отсутствии. Полученные от отца и учителей пансиона знания прочно вошли в языковой дискурс Достоевского: помимо современных европейских языков (французского, немецкого, итальянского, английского) в рукописных и печатных текстах писателя активно присутствуют древние языки, прежде всего — латынь. Так, проведенный нами анализ опубликованных произведений и сохранившихся записных книжек и рабочих тетрадей показал, что в них встречается 67 латинских слов и выражений (мы не рассматривали каллиграфические написания имен собственных типа Caesar, Nero и т. п.)¹². Многие из выражений встречаются не

единожды. Так, самая высокая частотность у выражения *Nota bene* (*обрати внимание*), которое в анаграмматическом виде *NB* фиксируется в рабочих записях более 1900 раз и имеет разные варианты написания (*nota bene, NBene, nota-bene* и т. д.). Наряду с выражением *Memento* оно выполняет функцию текстовой пометы. Распределение латинских слов и фраз между печатными и рукописными текстами следующее: 71 случай употребления в печатных текстах и 79 — в рукописных, при этом 21 выражение встречается только в печатных текстах, а 22 — только в рукописных.

Примечательно, как распределяются латинские вставки между черновиками и итоговыми вариантами произведений. На примере «великого пятикнижия» это распределение выглядит так (см. Табл. 1):

	Количество латинских вставок в черновиках	Количество латинских вставок в печатной редакции
Преступление и Наказание	2	4
Идиот	3	11
Бесы	3	7
Подросток	5	21
Братья Карамазовы	12	2

Табл. 1. Распределение латинских вставок между черновиками и итоговыми вариантами произведений Достоевского

Tabl. 1. The distribution of Latin inserts between drafts and final versions of Dostoevsky's works

Как видно из приведенной таблицы, в «Братьях Карамазовых» латинские слова и выражения активно использовались Достоевским при работе над текстом романа, но в его итоговый вариант не вошли; романы «Идиот» и «Подросток» в опубликованном варианте содержат на порядок больше латинских вставок, чем имеется в рукописях. Причины такого отбора могут стать предметом отдельного исследования.

По сфере употребления используемые Достоевским латинские выражения принадлежат медицине (например, *delirium tremens, febris cataralis*), юриспруденции (*de facto, jus primae noctis, pro et contra*), церковной риторике (*Ad majorem gloriam Dei, Mater dolorosa, Mea culpa, Non possumus, Sancta Maria*), но в основной своей массе они являются распространенными афоризмами (*Aleja jacta est, In vino veritas, Nomina sunt odiosa, Vox populi — vox dei* и т. д.) и речевыми штампами (*ab ovo, interim, qui pro quo, sic, sine qua non, status in statu, status quo, summarium* и т. д.).

Являясь в художественных и публицистических текстах отсылками к античной словесной традиции, латинские афоризмы активно используются Достоевским в качестве художественных и стилистических средств, на

что указывают некоторые исследователи ([Васильева], [Нилова], [Литинская], [Ильченко]). В текстах личного и рабочего характера (дневниковые записи, записные книжки и тетради, черновые наброски и планы произведений) латинские слова и выражения становятся маркерами этапов рассуждения и развития мысли.

Примечательно, что знание латинского языка не ограничивалось для Достоевского использованием латинского афористического наследия (по сути, этот навык прививался на начальном этапе освоения гимназической латыни). Есть пример работы Достоевского с латинским текстом в качестве комментатора-переводчика. Речь идет о главе «Дневника Писателя» за 1877 г. «Из книги предсказаний Иоанна Лихтенбергера, 1528 года», в которой Достоевский приводит перевод с латинского языка пророчества из книги Иоганна Лихтенбергера «Прогностика»¹³ (1528 г.). В начале главы Достоевский ссылается на то, что текст латинского предсказания обнаружен «одним из наших молодых ученых» (ДЗ0; 25: 122). Доказанный факт, что «молодым ученым» является Владимир Соловьев, который в Лондонской библиотеке сделал выписку латинского оригинала «Прогностики». Эта «выписка» относительно недавно была обнаружена и введена в научный оборот А. Л. Рычковым [Рычков, 2019а], сличившим текст «Прогностики» с выпиской Соловьева и с текстом, приводимым Достоевским в «Дневнике Писателя».

В «выписке» Соловьев соблюдал структуру конспектируемого им текста, фиксируя важные для себя положения. Достоевский, указывая, что помещает «лишь те строки, которые мне сообщили» (ДЗ0; 25: 122), достаточно вольно обходится с латинским текстом, кардинально изменяя его композицию (см. Табл. 2).

«Латинская выписка» Вл. Соловьева ¹⁴	«Дневник Писателя» Ф. М. Достоевского
Francus in vincendo Germanos caedet multos, demum Gallus succumbet, et pudicus facie regnabit ubique. Nidulum matris aquilae intrans ab oriente in occidentem monarchiam tenebit. Aquila a Virgine fugata liliu[m] excitabit, (5) <i>volabit ad miridiem recuperando amissa</i>. Veniet miles in pectore signatus trucidabit Leonem. (2) <i>Exsurget Aquila grandis, aquicolae maerebunt</i>. (3) <i>Tria regna comportabit</i>. (4) <i>Ipsa est Aquila grandis quae dormiet anni[s] multis refutata resurget cum lilio garrire incipiet et contremiscere faciet et alios montes superbissimos</i>. In aquicolis occidentalibus in terra Virginis lilia universa sedabit etc.	Post haec veniet altera aquila quae ignem fovebit in gremio sponsae Christi et erunt tres adulteri unusque legitimus qui alios vorabit. Exsurget aquila grandis in Oriente, aquicolae occidentales moerebunt. Tria regna comportabit. Ipsa est aquila grandis, quae dormiet annis multis, refutata resurget et contremiscere faciet aquicolas occidentales in terra Virginis et alios montes Superbissimos; et volabit ad meridiem recuperando amissa. Et amore charitatis inflammabit Deus aquilam orientalem volando ad ardua alis duabus fulgens in inontibus chrisliauitatis.

Egrediet Aquila etc. et non erit pax in terra Virginali et gens sine capite ragnabit annis illis de post adhaerebit aquilae grandi. Leo supeditabitur lilio et cutient gladio aquilones et aquila vorabit partem leonis. (1) <i>Post haec veniet altera aquila quae ignem fovebit in gremio sponsae Christi, et erunt tres adulteri unusque legitimus qui alios vorabit.</i> (Malus) Gallus facile bellum inisit sed inconstans et instabilis erit. — de bono Gallo: Aquilae grandi sociabitur lilium ab occidente in orientem et movebitur contra leonem. Leo carebit auxilio et decipietur a lilio. (6) <i>Et amore charitatis inflammabit Aquilam Orientalem, volando ad ardua alis duabos fulgens in montibus christianitatis.</i>	

Табл. 2. Сравнение «латинской выписки» Вл. Соловьева и латинского текста в «Дневнике Писателя» Ф. М. Достоевского 1877 г.

Tabl. 2. Comparison of the “Latin extract” by V. Solovyov and the Latin text in the “Diary of a Writer” by F. M. Dostoevsky in 1877

Сопоставление двух текстов показывает, что Достоевский делает смысловую «выжимку» из конспекта Соловьева (конспект конспекта) и не только меняет композицию, но вставляет дополнительные слова. И если определение *occidentales* (западные) присутствует в конспекте Соловьева (хотя и относится к существительному *aquicolae* (жители)), то вставки *in Oriente* (на Востоке) и *Deus* (Бог) принадлежат Достоевскому и продиктованы теми смысловыми акцентами, которые необходимы ему для противопоставления православной России и католически-протестантского Запада — именно к осмыслению этого противопоставления предсказание Лихтенбергера служит поводом и символической иллюстрацией.

Сопоставив тексты Соловьева и Достоевского и сравнив их с первоисточником, Рычков отмечает, что они содержат идентичные замены и сокращения текста «Прогностики», при этом «латинский текст, приведенный Достоевским, аутентично повторяет конспект Соловьева, включая те же лакуны и словарную замену, что дает веские основания признать этот конспект первоисточником для Достоевского» [Рычков, 2019b: 436]. Добавим к этому свои доводы.

И в тексте Соловьева, и в тексте Достоевского одинаково изменено последнее предложение, которое в оригинальном тексте «Прогностики» выглядит следующим образом: «*Et amore charitatis inflammabit Aquilam orientalem, volantem ad ardua alis duabus et fulgentem in montibus Christianitatis*»

(латинский текст «Прогностики» приводится по публикации А. Л. Рычкова: [Рычков, 2019а: 22]).

В конспекте Соловьева и его воспроизведении Достоевским определение *volantem* к существительному *Aquilam* (Орла), представляющее форму действительного причастия настоящего времени в аккумулятиве (=летящего), заменено формой герундия в аблативе единственного числа *volando*, что создает грамматическую шероховатость и приводит к неточности в переводе: у Достоевского это переведено «да летит», что является неверным. Более точный перевод формы *volando* должен быть «полетом, летанием» (герундий представляет из себя форму отглагольного существительного и подчеркивает абстрактность действия). Между тем однородное к *volantem* определение *fulgentem* (=сверкающего), так же являющееся действительным причастием в аккумулятиве, заменено на начальную форму причастия — *fulgens*, что создает логическую неточность в переводе: должно быть «...воспламенит Орла восточного, летящего к трудному двумя крылами и сверкающего на вершинах Христианства», а в переводе Достоевского — «воспламенит Бог орла восточного, да летит на трудное, крылами двумя сверкая на вершинах Христианства» (Д30; 25: 123).

Отметим еще одну неточность, уже в переводе: слово *dormiet* в четвертом предложении конспекта переводится *спит*, в то время как это форма будущего времени — *будет спать*.

Эти грамматические шероховатости свидетельствуют не только о том, что Достоевский пользовался конспектом Соловьева как первоисточником латинского текста, но и том, что он, скорее всего, этот конспект переводил. В любом случае, те изменения, которые сделаны в тексте «Прогностики», принадлежат перу человека, знающего латынь, а грамматические неточности можно объяснить тем, что владение латынью для переводчика не является профессиональным. В целом, приводимый в «Дневнике Писателя» латинский конспект является связным и грамматически верным. Примечательно, что Достоевский при публикации сохраняет латинский текст, не ограничиваясь только его переводом. Учитывая жанровую специфику «Дневника Писателя», являющегося публицистическим изданием, предположим, что делается это для документальной достоверности¹⁵. Отметим, что Достоевскому важно было, чтобы приводимый им латинский текст был максимально понятен читателю. Поэтому в сопроводительном письме в типографию он настаивал на том, чтобы перевод приводился построчно, как он сделал в рукописи: «На первых страницах пойдет латинский текст. Напечатайте *не петитом*, а обыкновенным шрифтом, и непременно через строчку латинского с русским, точь-в-точь так, как увидите в оригинале. Латинский текст переведен *подсловно*, то есть под каждым латинским словом соответствующее русское. Надо так и набирать и печатать. NB. (самое главное). Ради Бога, дайте прокорректировать латинский текст кому-нибудь знающему латинский язык» (Д30; 29: 157–158).

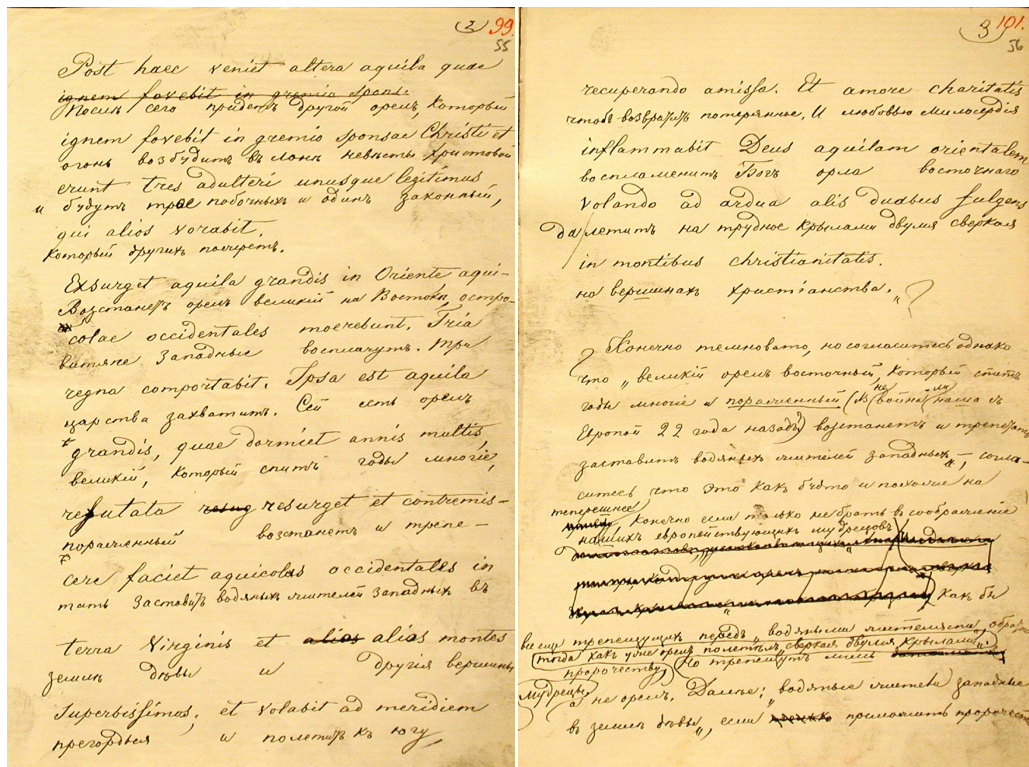
Приведем текст автографа с параллельным переводом (Черновой автограф ДП 1877, май — июнь (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.12. С. 99, 101; см. Илл. 1)):

«*Post haec veniet altera aquila quae
[ignem fovebit in gremio sponsae.]
Посль сего придетъ другой орелъ, который
ignem fovebit in gremio sponsae Christi et
огонь возбудитъ въ лонѣ невѣсты Христовой
erunt tres adulteri unusque legitimus
и будутъ трое побочныхъ и одинъ законный,
qui alios vorabit.
который другихъ пожретъ.
Exsurget aquila grandis in Oriente, aquicolae
Возстанетъ орелъ великій на Востокъ, островитяне
occidentales moerebunt. Tria
западные восплачутъ. Три
regna comportabit. Ipsa est aquila
царства захватитъ. Сей есть орелъ
grandis, quae dormiet annis multis,
великій, который спитъ годы многіе,
refutata [resug] resurget et contremiscere
пораженный возстанетъ и трепетать
faciet aquicolas occidentales in
заставитъ водяныхъ жителей западныхъ въ
terra Virginis et [alios] alios montes
земль дѣвы и другія вершины
Superbissimos; et volabit ad meridiem
прегордыя и полетитъ къ югу,*

// С. 99 (л. 55)

*recuperando amissa. Et amore charitati
чтобы возвратитъ потерянное. И любовью милосердія
inflammat Deus aquilam orientalem
воспламенитъ Богъ орла восточнаго
volando ad ardua alis duabus fulgens
{да} летитъ на трудное крылами двумя сверкая
in montibus christianitatis.
на вершинахъ Христіанства».*

// С. 101 (л. 56)

Илл. 1. Перевод с латинского языка пророчества из книги Иоганна Лихтенбергера «Прогностика» (1528 г.), выполненный Ф. М. Достоевским (ОР РГБ. Ф. 93.I.2.12. С. 99, 101)

Fig. 1. F. M. Dostoevsky's translation of the prophecy from *Prognostics* by Johann Lichtenberger (1528) from Latin (manuscripts Department of the Russian State Library Fund 93.I.2.12. P. 99, 101)

Примечательно, что при наборе изменения, связанные с правкой латинского текста, коснулись только написания заглавных букв и пунктуации. В целом же перевод Достоевского не был подвергнут кардинальной правке — «знающему» человеку он показался бы правильным.

Итак, тексты Достоевского личного, рабочего, публицистического и художественного характера опровергают мнение некоторых исследователей о неприятии писателем латинского языка. Латинская словесность органично вписалась в его идиостиль, о чем свидетельствуют реминисценции из римской литературы, латинские лексические и афористические вставки. Уверенное владение латынью, заложенное образованием, проявилось в зрелом творчестве писателя в виде практики вольного перевода средневекового религиозно-философского текста, идейно-образная интерпретация которого использовалась Достоевским для иллюстрации своих общественно-политических взглядов.

Примечания

- 1 Пансион Л. И. Чермака, считаясь одним из лучших частных учебных заведений Москвы, предлагал полный гимназический курс, включая классические языки — латинский и древнегреческий.
- 2 Так, нет точных сведений об учебниках, по которым Достоевский занимался в пансионе Чермака, не известно также, кто из учителей преподавал ему латинский язык и по какой системе (см.: [Федоров]).
- 3 «И вот с этого времени, каждый вечер папенька начал заниматься с братьями латынью. Разница между отцом-учителем и посторонними учителями, к нам ходившими, была та, что у последних ученики сидели в продолжение всего урока вместе с учителем; у отца же братья, занимаясь нередко по часу и более, не смели не только сесть, но даже облокотиться на стол. Стоят бывало как истуканчики, склоняя по очереди: *mensa, mensae, mensae* и т. д., или спрягая: *amo, amas*. Братья очень боялись этих уроков, происходивших всегда по вечерам. Отец, при всей своей доброте, был чрезвычайно взыскателен и нетерпелив, а главное, очень вспыльчив. Бывало, чуть какой-либо со стороны братьев промах, так сейчас разразится крик» [Достоевский: 68].
- 4 Гроссман имеет в виду цитату из стихотворения Н. Ф. Щербины «Физиология “Нового поэта”. Фельетон в стихах» (1853), которую Достоевский приводит в «Дневнике писателя» (апрель, 1876): «Серьезность и искренность этого любования составляет одно из самых любопытных явлений. Главное в том, что г-н Авсеенко, как писатель, не один; и до него были “коленкоровых манишек беспощадные Ювеналы”, но никогда в такой молитвенной степени» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 22. С. 107–108. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30*, указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках).
- 5 Подробно об этом см.: [Смирнова].
- 6 Источником является начало 6 послания из первой книги (Epist. I, 6): «*Nil admirari prope res est una, Numici, // solaque quae possit facere et servare beatum*» («Ничему не удивляться — почти одна вещь, Нумиций, // и единственная, которая могла бы сделать и сохранить (человека) счастливым» (пер. А. А. Скоропадской). Латинский текст приводится по данным сайта *Horatius.ru*: <https://www.horatius.ru/index.xps?2.906> (01.02.2021).
- 7 Сходное рассуждение находим в словах Ипполита, обращающегося к князю Мышкину с такими словами: «Вы, кажется, ничему не удивляетесь, князь, — прибавил он, недоверчиво смотря на спокойное лицо князя, — ничему не удивляться, говорят, есть признак большого ума; по-моему, это в равной же мере могло бы служить и признаком большой глупости...» (*Д30*; 8: 463).
- 8 Источником является отрывок из 3 песни «Энеиды» (Aeneis, III, 521–524):
 «*iamque rubescebat stellis Aurora fugatis,
 cum procul obscuros collis humilemque videmus
 Italiam. Italiam primus conclamat Achates,
 Italiam laeto socii clamore salutant*».
 («Уже краснела Аврора, прогоняя звезды,
 Когда вдали темные холмы и низину мы видим —
 Италию. “Италия”, — первым кричит Ахат.
 Италию радостным спутники криком приветствуют» (пер. А. А. Скоропадской). Латинский текст приводится по изд.: Virgil. T. I. Eclogues. Georgics. Aeneid I–VI: Loeb Classical Library, 1938 (2-е испр. переизд. 1916): <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1375300001> (01.02.2021).

- 9 Отношение Достоевского к Гомеру подробно проанализировано в статье Т. Г. Мальчуковой [Мальчукова].
- 10 Среди гуманитарных предметов были — история, русская словесность, французский язык (см.: [Якубович: 184]).
- 11 Более подробно об этом см.: [Скоропадская].
- 12 Подробно написание этих имен исследовано в работе Е. Л. Смирновой [Смирнова].
- 13 *Pronosticatio Johannis Liechtenbergers, jam denuo sublatis mendis, quibus scatebat, pluribus, quam diligentissime excussa. Coloniae [Köln], P. Quentel, 1528. 84 l., 8.*
- 14 Текст приводится по публикации Рычкова. Курсивом выделены те места, которые перешли в текст Достоевского. Цифра в скобках указывает порядок в тексте Достоевского. Полу жирным курсивом выделены слова, которые вставлены Достоевским.
- 15 Подробно об использовании книги Иоганна Лихтенбергера в качестве одного из источников в аргументации доктрины «Константинополь должен быть наш» — см.: [Алексеев, Алексеева].

Список литературы

1. Алексеев П. В., Алексеева А. А. «Константинополь должен быть наш»: провиденциальные мотивы в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Мир культуры, науки, образования. 2017. № 6 (67). С. 447–449.
2. Васильева С. А. Латинские слова и выражения в художественных произведениях Ф. М. Достоевского // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2013. Вып. 6. С. 20–26.
3. Гроссман Л. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1963. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/grossman_1_p/text_1963_dostoevsky_zhzh.shtml (01.02.2021).
4. Достоевский А. М. Воспоминания. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 399 с.
5. Ермаков Д. И. Психологический анализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 509 с.
6. Ильченко О. С. Латинские вкрапления в русской литературе второй половины XIX века // Russian Linguistic Bulletin. 2020. № 3(23). С. 140–144. DOI: 10.18454/RULB.2020.23.3.7
7. Литинская Е. П. Латинский текст в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы V Международного научного конгресса. Симферополь: Ариал, 2020. С. 145–148.
8. Мальчукова Т. Г. Достоевский и Гомер (к постановке проблемы) // Новые аспекты в изучении Достоевского: сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск, 1994. С. 3–36.
9. Нилова А. Ю. Латинский язык в творчестве Ф. М. Достоевского // Фортунатовские чтения в Карелии: сб. докладов международной научной конференции (10–12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. Ч. 2. С. 36–39.
10. Рычков А. Л. Латинская выписка Вл. Соловьева из «Pronosticatio» Иоганна Лихтенбергера: от «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского до «Трех разговоров» Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. 2019. Вып. 1 (61). С. 6–23. (a)
11. Рычков А. Л. Латинский конспект Вл. Соловьева в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского: научный миф или литературный факт? // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 431–451. DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-431-451. (b)
12. Селезнев Ю. И. Достоевский. 5-е изд. М.: Молодая гвардия, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedordostoevsky.ru/biography/seleznev/1/> (01.02.2021).

13. Скоропадская А. А. Вопрос о классическом образовании в публицистическом освещении Ф. М. Достоевского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 25–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.347
14. Смирнова Е. Л. «Него (артист)» в рабочей тетради Ф. М. Достоевского 1864–1867 гг. // Неизвестный Достоевский. 2020. № 1. С. 118–132. [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587665971.pdf (01.02.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4441
15. Федоров Г. А. Пансион Л. И. Чермака в 1834–1837 гг. (по новым материалам) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. Вып. 1. С. 241–254.
16. Якубович И. Д. Достоевский в Главном инженерном училище (Материалы к летописи жизни и творчества писателя) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1983. Вып. 5. С. 179–186.

References

1. Alekseev P. V., Alekseeva A. A. “Constantinople Must Be Ours”: Providential Motifs in “Writer’s Diary” of F. M. Dostoevsky. In: *Mir kul’tury, nauki, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 2017, no. 6 (67), pp. 447–449. (In Russ.)
2. Vasil’eva S. A. Latin Words and Expressions in the Works of Art by F. M. Dostoevsky. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya»* [Herald of Tver State University. Series Philology], 2013, issue 6, pp. 20–26. (In Russ.)
3. Grossman L. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1963. Available at: http://az.lib.ru/g/grossman_1_p/text_1963_dostoevsky_zhzh.shtml (accessed on February 1, 2021) (In Russ.)
4. Dostoevskiy A. M. *Vospominaniya* [Memories]. S. Petersburg, Andreev i synov’ya Publ., 1992. 399 p. (In Russ.)
5. Ermakov D. I. *Psikhoanaliz literatury. Pushkin. Gogol’. Dostoevskiy* [Psychoanalysis of Literature. Pushkin. Gogol. Dostoevsky]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999. 509 p. (In Russ.)
6. Il’chenko O. S. Latin Insertions in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century. In: *Russian Linguistic Bulletin*, 2020, no. 3 (23), pp. 140–144. DOI: 10.18454/RULB.2020.23.3.7 (In English)
7. Litinskaya E. P. The Latin Text in the Novel by F. M. Dostoevsky’s “The Teenager”. In: *Inostrannaya filologiya. Sotsial’naya i natsional’naya variativnost’ yazyka i literatury: materialy V Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa* [Foreign Philology. Social and National Variability of Language and Literature: Proceedings of the 5th International Scientific Congress]. Simferopol, Arial Publ., 2020, pp. 145–148. (In Russ.)
8. Mal’chukova T. G. Dostoevsky and Homer: to the Problem Statement. In: *Novye aspekty v izuchenii Dostoevskogo* [New Aspects in Studying of Dostoevsky], Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, pp. 3–36. (In Russ.)
9. Nilova A. Yu. The Latin Language in Dostoevsky’s Works. In: *Fortunatovskie chteniya v Karelii: sbornik dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (10–12 sentyabrya 2018 goda, Petrozavodsk)* [Fortunatov Readings in Karelia: Collection of Articles of the International Scientific Conference (September 10–12, 2018, Petrozavodsk)]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2018, part 2, pp. 36–39. (In Russ.)
10. Rychkov A. L. VI. Solovyov’s Latin Extract from Johannes Lichtenberger’s Book “Pronosticatio”: from F. M. Dostoevsky’s «A writer’s Diary» to VI. Solovyov’s “Three Conversations”. In: *Solov’evskie issledovaniya* [Solovyov Studies], 2019, issue 1 (61), pp. 6–23. (In Russ.) (a)

11. Rychkov A. L. Vladimir Solovyov's Latin Outline in Fyodor Dostoevsky's "The Writer's Diary": a Scholarly Myth or a Literary Fact? In: *Literaturnyy fakt [Literary Fact]*, 2019, no. 1 (11), pp. 431–451. DOI: 10.22455/2541-8297-2019-11-431-451. (In Russ.) (b)
12. Seleznev Yu. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2007. Available at: <https://www.fedordostoevsky.ru/biography/seleznev/1/> (accessed on February 1, 2021) (In Russ.)
13. Skoropadskaya A. A. The Question of Classical Education in Fyodor Dostoevsky's Journalism. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Petrozavodsk State University]*, 2019, no. 5 (182), pp. 25–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.347 (In Russ.)
14. Smirnova E. L. "Nero (Artist)" in F. M. Dostoevsky's Workbook of 1864–1867. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 1, pp. 118–132. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587665971.pdf (accessed on February 1, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4441 (In Russ.)
15. Fedorov G. A. Pension of L. I. Chermak in 1834–1837 (Based on New Materials). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1974, issue 1, pp. 241–254. (In Russ.)
16. Yakubovich I. D. Dostoevsky in the Main Engineering School (Materials for the Chronicle of Life and Works of the Writer). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1983, issue 5, pp. 179–186. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Скоропадская Анна Александровна, *Anna A. Skoropadskaya*, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6593-5526>; e-mail: san19770@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 07.02.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.05.2021

Принята к публикации / Accepted 05.06.2021

Дата публикации / Date of publication 05.07.2021